

Фанаты замерли в недоумении. Что происходит?

Мужчины в черных костюмах, видя их замешательство, объяснили:

— Бесплатно. Кофе или чай с молоком?

— Ко... кофе... — фанаты были в шоке, эти люди вели себя так, будто навязывали свои услуги.

Однако, когда горячий чай с молоком и кофе налили в стаканчики, и тепло распространилось по ладоням, никто уже не вспоминал о первоначальном шоке. Напротив, мужчины в черных костюмах стали казаться симпатичными, вероятно, из-за их неожиданной доброты.

Фанаты, пришедшие на красную дорожку, впервые столкнулись с таким гостеприимством. Даже просто держа стаканчик в руках, они чувствовали себя счастливыми.

Более того, мужчины в черных костюмах затем достали полотенца, чтобы фанаты могли вытереть дождь. Полотенца были новыми, словно только что купленными в ближайшем магазине. Хотя они были недорогими, в такую погоду это стало приятным сюрпризом.

И вскоре все заметили разницу: мужчины в черных костюмах изначально направлялись к тем, кто держал черные зонты, проявляя особую заботу о фанатах Ци Чжэня. Остальные, казалось, просто воспользовались их щедростью.

Ну, что ж, главное, что есть что пить, а если удалось воспользоваться чужой щедростью, то это даже лучше. Раз организаторы не объясняли, что происходит, вероятно, это был жест какого-то богатого фаната Ци Чжэня?

Через некоторое время дождь прекратился, и люди на площадке, свернув зонты и потягивая горячие напитки, улыбались еще шире. Началось шоу на красной дорожке, машины подъезжали одна за другой, и звезды в ярких нарядах выходили из них, но чувствовали, что атмосфера сегодня какая-то необычная.

Почему фанаты... пьют?

Их улыбки казались... особенно теплыми, словно это была встреча друзей со всего света, и сырая погода несколько не испортила их настроения.

Но, посмотрев вверх, они увидели, что небо все еще не прояснилось.

Внутри зала Бай Линшэн и Тан Чжаонин сидели в центре, скромно прячась среди зрителей. Гэн Лэ, видимо, потратил немало усилий, чтобы выбрать эти места: они позволяли хорошо видеть сцену, но не привлекали внимания.

Однако Бай Линшэн сидел с прямой спиной, словно на международной конференции. Причина была проста: на его меховом воротнике осталось немного дождя, и если бы он коснулся кожи, это было бы неприятно.

Поэтому он сидел так, стараясь, чтобы воротник быстрее высох. Сжав губы, он выглядел крайне недовольным.

И тут перед ним появилась бледная рука с серебряным перстнем, протягивая носовой платок.

— Вытрись, — Тан Чжаонин положил руку на спинку кресла, повернувшись к нему с полуулыбкой.

Бай Линшэн, вытирая воротник, сказал:

— Не смотри на меня так, словно я сделал что-то плохое.

Но Тан Чжаонин вдруг спросил:

— Тебе нравится Ци Чжань? Почему ты решил позаботиться о его фанатах?

Бай Линшэн на мгновение замер, затем повернулся и пристально посмотрел в глаза Тан Чжаонину.

— Да, Ци Чжань — мой кумир. Он красивый, у него есть стиль и вкус. Разве тебе он не нравится?

— А я слышал, что он высокомерный и капризный.

— Это клевета! — глаза Бай Линшэна расширились. — Скажи, где ты это услышал? Я его забаню.

— Только что, его фанаты сказали.

Бай Линшэн еще увереннее ответил:

— Фанаты всегда говорят наоборот. Разве ты не знаешь, что сейчас фанаты более капризны, чем хейтеры?

— Ладно, ты прав, Ци Чжань хорош, как и ты.

— Вот это другое дело, — Бай Линшэн наконец немного успокоился и, увидев, как входит Старейшина Хо, встал. — Я пойду поприветствую их, а ты сиди здесь и не шали.

Тан Чжаонин промолчал.

Так взрослый ребенок Тан Чжаонин остался сидеть на месте, а хозяин дома Бай Линшэн отправился общаться, словно роскошная светская львица, прогуливающаяся по Шанхаю 1930-х годов, вызывая восхищение у всех, кто его видел.

Его наряд сегодня был выбран мамой Тан: черное приталенное пальто с роскошным меховым воротником, на левом ухе, обрамленном мягкими черными волосами, сверкал бриллиантовый клипс, делая его еще более изысканным.

Когда он встал рядом со Старейшиной Хо, к нему подходило все больше людей.

Все больше.

Тан Чжаонин прищурился, постукивая пальцем по подлокотнику кресла, ритм замедлялся, но черная аура вокруг него становилась все гуще. Люди, сидящие в первых рядах, почувствовали ледяной холод за спиной.

Какой-то второстепенный актер искал свое место, и, наконец найдя его, заметил, что рядом сидит человек, чья манера поведения сразу выдавала в нем человека высокого статуса.

Он сидел, скрестив ноги, с легкой долей высокомерия, его глаза смотрели вперед, и было непонятно, улыбался он или был готов к атаке. Его взгляд заставлял сердце биться чаще. Но

эта опасность также обладала смертельной притягательностью, заставляя людей, несмотря на страх, приближаться.

И, возможно, это был его шанс, ведь почему бы иначе этот человек сидел именно рядом с ним? Актер подумал, что это судьба, и, набравшись смелости, заговорил:

— Здравствуйте, я Цзи Фань.

Тан Чжаонин сначала не услышал, но, когда тот повторил, обернулся:

— Мм?

Его лицо выражало недовольство.

Нет, скорее, он был и доволен, и раздражен одновременно. Красавчик, конечно, приятен, но пчелы вокруг слишком назойливы. Его парень был слишком популярен.

Цзи Фань почувствовал неловкость, его щеки покраснели, что делало его невинный вид еще более привлекательным.

— Наши места оказались рядом, какая удача. Я впервые на таком мероприятии, немного нервничаю, поэтому хотел поговорить. Я не помешал?

Он смотрел с извинением, но в душе надеялся. Ну что ж, разговор начат, что же он скажет?

— Помешал, — спокойно ответил Тан Чжаонин и снова повернулся вперед.

Цзи Фань замер. Помешал? В его голове было множество вариантов развития событий, но этот он не ожидал. Как теперь продолжать?

— Простите...

Тан Чжаонин не обратил на него внимания, его взгляд был направлен на Бай Линшэна, а пальцы играли с перстнем. Но когда Цзи Фань уже готов был разбиться на куски, он вдруг снова повернулся:

— Что ты сказал?

— А, я сказал... — Цзи Фань ожил, с энтузиазмом начав говорить.

Впереди Бай Линшэн разговаривал со Старейшиной Хо, несколько раз пытался уйти, но не мог. Люди уже собрались, и, судя по всему, Старейшина Хо собирался представить его публике.

Он обернулся, чтобы взглянуть на Тан Чжаонина. Тот, вообще-то, не любил такие мероприятия, поэтому перед уходом Бай Линшэн попросил его сидеть спокойно. Но, похоже, он неплохо проводит время — парень рядом почти прилип к нему.

Бай Линшэн отвернулся, но затем решил, что так нельзя, и твердо сказал Старейшине Хо, что возвращается на свое место. Старейшина Хо, видя его решимость, согласился, и в его голосе звучала забота и поддержка, вызывая зависть у окружающих.

Но Бай Линшэн не обратил на это внимания, широко шагнув обратно на свое место. Скрестив руки, он смотрел сверху вниз на Тан Чжаонина и Цзи Фаня.

Цзи Фань, увидев тень перед собой, замер, поднял голову и увидел улыбающееся лицо, освещенное сзади. Но почему-то... оно излучало угрозу.

Многие серийные убийцы всегда выглядят как милые, безобидные люди.

— Ты, сядь в сторону, — Бай Линшэн поднял подбородок, его глаза были устремлены на Тан Чжаоина, и взгляд был полон решимости.

Цзи Фань, хотя и не смотрел ему в глаза, почувствовал, как сердце заколотилось. Он понял, что если не сделает что-то, то этот человек рядом с ним будет отобран. Поэтому он спросил:

— Простите, а вы...?

Бай Линшэн прищурился, излучая уверенность.

— Я его семья. А ты кто?

О боже! У него есть парень... И такой красивый...

Цзи Фань теперь жалел, что время нельзя повернуть назад, его лицо горело. К счастью, он обладал хорошей психологической устойчивостью и смог взять себя в руки.

— А, я... я Цзи Фань, просто случайно сижу рядом. Приятно познакомиться, ха-ха...

<http://bllate.org/book/16590/1516212>